

A romantic couple is featured in a school hallway. The man, wearing a black baseball cap and a dark tank top, stands behind the woman, his arms wrapped around her. The woman has long dark hair, wears round sunglasses, a light pink ribbed crop top, and blue jeans. She is also wearing several bracelets on her right wrist. The background consists of red school lockers. There are some white chalk-like scribbles on the lockers, including a hashtag and the word 'over'.

Саманта
АЛЛЕН

ТИХОНИЯ для хулигана

Саманта Аллен

Тихоня для хулигана

«Автор»

2021

Аллен С.

Тихоня для хулигана / С. Аллен — «Автор», 2021

Он – хулиган и бунтарь. О нём ходят крайне недобрые слухи... Но он спас мне жизнь, поэтому я должна исполнять даже малейшую прихоть короля уличной банды. Я – просто игрушка в руках отпетого отморозка. И эта игра кончится только тогда, когда наскучит ему. Но в этой игре он заходит слишком далеко... Хуже того, кажется, он не намерен меня отпускать...

© Аллен С., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Тихоня	5
Глава 2. Тихоня	8
Глава 3. Тихоня	10
Глава 4. Тихоня	12
Глава 5. Акула	14
Глава 6. Акула	17
Глава 7. Акула	20
Глава 8. Акула	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Саманта Аллен

Тихоня для хулигана

Глава 1. Тихоня

– Только не это... – причитаю я, начиная молиться, услышав, как надсадно фырчит старичок «Форд».

Откровенно говоря, его законное место на свалке. Чудо, что он вообще ещё на ходу. Старая машина начинает тарахтеть, как блендер, перемалывающий кофейные зёрна, издаёт громкий чих и глохнет.

– О нет, давай же, милый, я в тебя верю, – шепчу, поворачивая ключ в замке зажигания.

Частое тарахтение и тишина. Снова. «Форд» начала восьмидесятых отказывается заводиться. Я осторожно вылезая из салона. Оглядываюсь в густых сумерках. Щербатая дорога освещается одним фонарём. Жуткий, зловещий желтоватый свет. Причём довольно далеко. Я обхожу тёмно-зелёное авто со всех сторон, будто это поможет ему завестись. Не знаю, в чём причина, но из-под капота тянет палёным. Это дурной знак.

Прикусываю ладонь, чтобы не разрыдаться. Уже вижу лицо Макса – старшего брата, орущего на меня: «Бестолочь! Неудачница! Руки из задницы!...» Потом он отчитает меня за то, что я сломала автомобиль. И если у него будет отличное настроение, я смогу отделаться всего лишь криком. Если же нет... Мне даже страшно подумать. У брата очень тяжёлая рука. Знаю об этом не понаслышке. Поэтому я мысленно обращаюсь к старой развалине, чтобы она завелась и потерпела ещё немного. Самую малость. Каких-то двадцать минут – и я буду дома. Лишь бы убраться поскорее с этой дороги. Она проходит слишком близко к кварталу, который хорошие девочки вроде меня должны избегать, как огня.

Да-да, я знаю об опасности. Но за лекарствами для домашнего питомца пришлось ехать к ветеринару. Я выехала поздно, решила срезать по короткому пути, но его, как назло перекрыли. Я сделала огромный крюк и... И вот я здесь.

Летний вечер довольно тёплый, но по ногам внезапно проносится холодок, и начинают бегать мурашки. Совсем не от ветра, а от ощущения чужого внимания. Кто-то сканирует меня липким жадным взглядом.

Мне хочется вымыться и убраться отсюда. Если этот кто-то из банды Чёрных Псов – я попала. Чёрт побери, я крупно попала!

– Ц-ц-цып-цып-цып... – звук приходит справа.

Я нервно дёргаю головой и сразу же зажимаюсь от дальнего света, ударившего по глазам. Машина. Скорее всего, мне «повезло» попасть под прицел уличных отморозков. Просто прекрасно!

Я была так увлечена своими мыслями, что не услышала, как ко мне бесшумно подкрались чужаки.

– Неу, geys, смотрите, кто здесь, а? – в голосе говорящего отчётливо слышится акцент.

От страха я покрываюсь липким холодным потом. Это точно члены банды. Они называют себя Чёрные Псы и носят чёрные банданы.

Не могла же я вляпаться больше, чем сейчас! Мне очень страшно. Я просто мечтаю, чтобы земля под ногами разверзлась, поглотила меня и никогда не выплёвывала обратно.

– Проблемы с тачкой, чика? – слышится ещё один голос и шорох шин.

Их тачка подъезжает вплотную к моей. Я закрываюсь от слепящего света ладонью и тщетно пытаюсь разглядеть, сколько их.

– Мы можем решить проблему...

– За небольшую плату! – подхватывает первый.

– Погаси свет, ну... – лениво цедит сквозь зубы... третий.

Матерь божья, судя по голосам, их трое. Всё, на этом моё терпение лопается, и я с бешено колотящимся сердцем ныряю в салон своей древней тачки. Пытаюсь закрыть дверь. Но, как назло, дверь хлопает вхолостую. Снова и снова. На третий раз она распахивается резким рывком, а мне в волосы вцепляются сильные пальцы.

– Смотрите, какая смазливая мордашка!

– От-т-т-тпустите меня! – голос напоминает писк мыши, раздавленной кем-то большим и сильным.

– Давай познакомлю тебя с парнями.

От нахала несёт пивом, дешёвым табаком и запахом пота. У него сильные, накачанные руки, сплошь забитые татуировками. Даже пальцы в чернилах. Он усмехается и перекачивает во рту зубочистку, а потом внезапно сплёвывает её вместе с харчком на пол салона моего «Форда». Это возмущает меня даже больше, чем хватка пальцев в волосах. Потому что я отдраила старикана до зеркального блеска, и мне жуть как не нравится видеть плевков, в котором находится изжёванная зубочистка.

– Не плюйтесь!

– Чё?

Он дёргает меня так, что едва не выдирает клочок волос. Вытаскивает меня из салона и встряхивает. Кожа на голове вспыхивает сильной болью. Из уголков глаз поневоле скатываются крохотные, но обжигающие слезинки.

– Ал, улов просто блеск...

Я всё-таки ошиблась. Их не трое. Их четверо. Четвёртый опирается задницей на капот ярко-синей тачки и лениво чистит ногти ножом. Изредка поглядывает на меня, усмехаясь. Сальная грязная усмешка в сочетании с пугающей пустотой в его глазах заставляет меня трестись от страха. Я боюсь его даже сильнее того, кто дёргает меня за волосы и демонстрирует друзьям, словно тушку зайца, пойманного на охоте.

– Посмотрите, ну... – заставляет меня крутануться. – Какая сочная задница! Парни, кто первый будет колоть этот орешек?

Я молочу воздух руками. Но мои слабые трепыхания вызывают лишь смех ублюдков. Двое приближаются ко мне, потирая ладони.

– Сочная малышка. Кажется, она заблуди-и-и-лась, – приторно сюсюкает парень, на котором лишь красная майка и короткие джинсовые шорты. Второй, чуть массивнее и намного толще, поддакивает, хлопая друга по плечу.

– Нужно показать малышке дорогу домой, – и трогает себя за ширинку.

Мерзкий, похотливый урод. Приятели гогочут, довольные его шуткой. Я понимаю, что было ошибкой витать в облаках, отправляясь далеко от дома. Мне не стоило пытаться срезать путь. Чёрт побери, мне вообще не стоило брать старичка «Форда». Теперь у меня проблемы покрупнее внезапно заглухнувшей машины. Скоро на мне не останется живого места. Четвёртый, сидевший на капоте тачки, подходит вразвалочку и осматривает машину, потом задумчиво скребёт щетину на подбородке ножом.

– Снять почти нечего. Но ладно... Отгоним Питу. Пусть хоть за железо немного накинёт.

Теперь моя участь и участь старого «Форда» примерна одинаковая. Только если старик пожил на свете не один десяток лет, то я... лишь пару месяцев назад окончила школу. Мне восемнадцать, я только подала документы в местный колледж. У меня вся жизнь была впереди. Но теперь всё может кончиться плачевно. Прямо сейчас.

– Давай, тащи девку, чё мнёшься? – командует главарь.

– А с этой рухлядью что делать? – интересуется парень в красной майке.

– Оттащи на буксире. Позвони кому-нибудь...

Я слушаю разговоры уличных отмороzkов, словно они меня ничуть не касаются. Наверное, это защитная реакция – притвориться куском пластмассы, надеясь, что тебя не заметят и отпустят.

– Двигай живее поршнями! – сильный тычок в спину.

Меня ведут к тачке ублюдков. Один уже нырнул на заднее сиденье, и туда же собираются запахнуть меня. Второй подонок сядет с другого бока, они зажмут меня посередине – и всё, прощай, жизнь!

– Пошевеливайся, цыпочка!

Громила пытается нагнуть меня, чтобы затолкать в сильно заниженную тачку. Но я держусь, словно лом проглотила, и пытаюсь противиться этому. Боже, я не хочу становиться добычей ублюдков! Сделай, что угодно! Пошли мне спасение... Любое. Я буду тебе благодарна!

Внезапно раздаётся звонок моего телефона.

– Это звонит мой брат! Мне лучше ответить... А вам стоит отпустить меня! – кричу изо всех сил.

– С чего бы это? – спрашивает парень, уже сидящий в тачке. Он весь горит нетерпением и обглаживает меня плотоядным взглядом.

– Мой брат... Он...

На ум не приходит почти ничего. Я многое бы могла рассказать о старшем брате. Но по части силы он уступает даже самому мелкому и тощему из этой банды.

– Он конченный псих! – раздаётся откуда-то со спины.

Это ещё что такое? Пятый?! Серьёзно?! Матерь божья, ты просто не могла не макнуть меня головой в дерьмо поглубже, и прислала ещё одного отмороzка?

– Акула? Хочешь попробовать эту чику с нами?

От злобного прозвища мурашки по моей коже начинают гулять просто табунами. Я уже едва держусь на ногах и обмякаю, как тряпичная кукла. Если мне повезёт, я просто умру от разрыва сердца прежде, чем хотя бы один подонок дотронется до меня.

Я просто... хочу умереть. Не сходя с этого самого места.

Глава 2. Тихоня

– Салют, парни...

Тот, кого называют Акулой, подходит поздороваться с отморозками.

– Салют, бро!

Члены банды приветствуют Акулу. Они хлопают его по рукам и выглядят довольными встречей, несмотря на то, что на подошедшем парне нет чёрной банданы. Но ублюдки держатся с ним как со своим человеком. Парень высокий. Чёрт побери, он такой высокий, что мне придётся задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Но мне не приходится этого делать. Он подходит ко мне и наклоняется сам.

Тёмные, почти чёрные глаза застывают напротив моих. Я замираю, словно парализованная. Кажется, в глубине его глаз пляшут дьявольские смерчи, образуя глубокие и опасные воронки. Я знаю, что не должна пялиться на отморозка, но просто не могу оторвать взгляда от его лица – сурового, резкого, сложенного из ломаных линий. Но всё равно красивого. Даже чересчур.

Эй, разве у ублюдков не должны быть отвратительные, уродские лица, зверские рожи, при одном взгляде на которые сердце уходит в пятки? Но сейчас моё сердце начинает биться в утроенном ритме. Потому что незнакомец приближает своё лицо к моему так, что я могу сосчитать его длинные, тёмные ресницы. И родинки. Все до одной. Крохотные, тёмные родинки, рассыпанные по его лицу, как угольные крошки.

Пухлые, дерзкие губы парня кривятся в ухмылке, а потом он наклоняется и... втягивает запах моего тела. Нет, блин, он реально нюхает мою шею, едва не проводя по ней носом. Его горячее дыхание обжигает кожу. Я чувствую мятую и отдалённый душок алкоголя. Едва не падаю в обморок.

– Чувствуешь? – спрашивает он и скалится, глядя на ублюдка, держащего меня.

– Чё? – туповато переспрашивает он.

– От неё не смердит страхом. Потому что её брат – конченный псих. И если он узнает, что вы позабавились с его младшей любимой сестрёнкой, он подвесит вас за яйца. Всех, – медленно обводит взглядом подонков. – По очереди.

– Чё за чувак? – интересуется главарь банды.

– Ты знаешь её? – «Акула» небрежно кивает в мою сторону. Поднимает руку и треплет меня по щеке. Подушечки его пальцев шершавые и немного царапают кожу. Он обхватывает меня за подбородок, поворачивая лицом к главарю. – Нет. Ты её не знаешь. Она из другого района. Покруче нашего... В общем, – он усмехается и отпускает меня, отступая в сторону. Отходит к моему «Форду» и небрежно плюхается задом на капот. – Развлекайтесь. Я засеку время!

– Не понял...

Парень в красной майке начинает заметно нервничать и пошмыгивает носом.

– Она не ответила на звонок, – пожимает плечами парень. – Говорю же, брат – конченный псих, следит за ней. Через пять минут он найдёт вас...

– Если он следит за своей сестрёнкой, что она забыла в нашем районе? – резонно интересуется главарь.

– Иногда овечки сбегают из загона, а потом злой пастух загоняет их обратно, верно? – спрашивает Акула, глядя мне прямо в глаза.

Я не сразу понимаю, что он... спасает меня. Но потом поспешно киваю и выдавливаю из себя:

– У б-б-брата очень тяжёлая рука... – судя по каменным выражениям лиц членов банды, моя речь их не очень-то впечатлила. Я решаю добавить красок. – Он умеет бить, не оставляя следов. Но внутренности превращаются в кровавое месиво...

Акула насмешливо вздёргивает смолянистую бровь, в тёмных глазах загораются жаркие искры. Но больше он ничем не выдаёт своего веселья.

Парни из банды переглядываются. Мне кажется, что они не слишком хорошо осведомлены о том, что происходит за пределами этого района. Возможно, я всего лишь нарвалась на мелких сошек – так называют тех, кто не представляет из себя ничего серьёзного. Но это для остальных членов банды. Для меня даже один из этих подонков кажется смертельно опасным.

– Ладно, – главарь прячет нож и нервно дёргает плечом. – Погнали. Кидай девку!

– Но как же попробовать тёлку, а? Один круг, ну? – с надеждой спрашивает тот, что уцепился в мои волосы.

– Пробуй её сам. Но, в случае чего, мы тебя не знаем! – быстро говорит толстый и ныряет в тачку банды. – Лучше завалимся в бар и снимем стрипуху на ночь!

– Эй, парни! Вы куда? – кричит ублюдок. – Да вдруг он нам лапши навесил? – не унимается подонки, крепче хватая меня за волосы.

– Решай сам! – главарь садится за руль и машет. – Бывай, Акула!

Колёса бандитской тачки начинают пробуксовывать на месте, вызывая дикий рёв. Подонки не выдерживают и бросают меня, кинувшись к тачке, медленно отъезжающей прочь.

– Эй, я с вами!

Под дружный гогот отморожков, сидящих внутри, тачка сдаёт назад. Ублюдок забирается в салон, и машина срывается с места, обдав меня таким количеством едких выхлопных газов, что я едва не задыхаюсь.

Я думаю, что легко отделалась. Очень легко. Но, развернувшись лицом к парню по кличке Акула, цепенею от страха. На его губах играет жуткая ухмылка, а глаза горят, как полыхающие звёзды.

– Итак, что хорошая, маленькая, чистенькая тихоня... делает в нашем криминальном квартале?

С каждым шагом он сокращает расстояние между нами. Я понимаю, что нужно бежать. Но понимаю это слишком поздно, когда он распластывает меня по металлу старого «Форда» и прижимается ко мне своим крепким раскачанным телом.

Хулиган поднимает руку и заправляет выбившуюся прядь волос за ухо.

– Как будешь платить за спасение, милашка?

Мой язык прилип к нёбу. Я не могу вымолвить ни единого чёртового слова. Даже помычать не могу, и сдвинуться в сторону тоже не получается. Я могу только наблюдать, как глаза парня становятся ближе и ближе. Он топит меня в этой глубокой черноте, обволакивает и лишает воли.

Его горячее дыхание опалает губы, запуская электрические искры по всему телу...

Глава 3. Тихоня

Зачем он это делает? Я чувствую себя маленьким зверьком, по ошибке попавшим в клетку кровожадного и хитрого тигра. Такой, как он, прихлопнет лапой.

Взгляд хулигана медленно движется вдоль моего тела. Он обводит меня им с головы до ног, а потом так же медленно обратно. Клянусь, что он не пропускает ни одной детали – ни лишней пуговицы, случайно расстегнувшейся на моей блузке, пока меня трясли отморозки, ни брючек с низкой посадкой. Он смотрит так, будто решает, можно ли со мной развлечься. Это не первый раз, когда парень оценивает меня. Но никогда ещё ни один не делал это столь демонстративно... и с такого близкого расстояния. Я бы даже сказала – с мизерного расстояния. Которого совсем не остаётся, когда он прижимает меня к машине ещё крепче, окончательно запирая в плен сильного тела.

Я чувствую, как к лицу приливает краска. Взгляд хулигана останавливается на моих губах, в ответ я начинаю гореть, как настоящий факел. Кажется, кончики моих ушей вообще обуглились – так сильно я смущена пристальным взглядом симпатичного мерзавца.

– Ты должна мне. Услугу, – медленно говорит он, облизнув губы.

Я смотрю, как замороженная, на его язык. Мне кажется... или он проколот? Хулиган будто прочитал мои мысли, потому что через секунду я отчётливо слышу стук металлической штанги о его белоснежные зубы.

– Заводи своё ржавое ведро с болтами, мне нужно заехать в одно место!..

Что-что?

Парень внезапно отталкивается от тачки раскрытой ладонью и отходит на безопасное расстояние, продолжая смотреть на меня насмешливо.

– ...Ну, пошевеливайся! – покрикивает он на меня.

Акула обходит мою машину и забирается на сиденье, рядом с водительским.

Каков наглец! Но если этот нахал и гроза всех улиц бедного квартала думает, что я смогу ему помочь, то он глубоко ошибается. Я открываю дверь машины и говорю, просунув голову в салон.

– Мой старик не заводится.

– Или ты не умеешь его заводить, – презрительно фыркает парень. Его тёмные глаза цвета обжаренного кофе горят нетерпением. Он хлопает по рулю. – Давай, чика... Пошевеливайся. Или я примусь за тебя...

На этих словах его лицо теряет игривое выражение и становится действительно жестоким, с щедрой долей злобы. Я предпочитаю нырнуть на сиденье и пристегнуться в тот же миг. Оставшись наедине с парнем в замкнутом пространстве, я начинаю нервничать ещё сильнее. Осторожно обхватываю руль и глажу его ладонями.

– ...Ты чё телишься, а? Живее давай! – злится Акула.

– Я... я не смогу тебе помочь! – говорю на коротком выдохе. – Почему, как ты думаешь, я застряла рядом с этим отстойным кварталом? Мой «Форд» заглох! Прямо посередине дороги.

Парень злобно цедит грязное ругательство сквозь крепко стиснутые зубы. Я съёживаюсь под его сердитым взглядом, пробирающим до самых костей.

– Пробуй! – приказывает он и почему-то оглядывается по сторонам.

Я поворачиваю ключ в замке зажигания. После серии коротких надсадных чихов мотор снова глохнет.

– Видишь, я же говорила!

Но Акула накрывает мои пальцы своими и приближается, прижимаясь к моему плечу.

– Ты дёрганая и нервная. Не дожимаешь, как надо!

Он силой вынуждает меня провернуть ключ в замке ещё раз и приказывает выжать сцепление. На этот раз, к моему большому удивлению, всё получается.

– Чудо! – выдыхаю я, когда старенький автомобиль двигается с места.

– Мастерство, – парирует парень с кривой ухмылкой. – Дожимай до конца. У этой тачки педали утапливаются и надо...

– Надо пристегнуться, – перебиваю его, с опаской поглядывая на не пристёгнутого парня.

– Чё? – фыркает.

– Пристегнись, прошу.

– Твоя тачка не разгоняется больше... – Акула прищуривается, глядя на спидометр.

– Я знаю, но лучше пристегнись. Пожалуйста!

Я не должна ничего объяснять. Настоящая причина моего беспокойства навряд ли впечатлит этого парня. Но мои родители погибли по причине халатности – оба навеселе и не были пристёгнутыми, когда попали в аварию. Позднее дорожные полицейские сказали, что ремень безопасности мог бы спасти жизнь хотя бы одному из них. С тех пор я, сев в машину, первым делом пристёгиваюсь. Я не говорю ничего из этого парню, но он решает пристегнуться. На лице написано, будто он делает мне большое одолжение.

– Поезжай на Двадцать Седьмую улицу.

– Я не знаю этот район.

– Я подскажу, куда ехать. Прямо, направо... Потом налево. Ничего сложного. С этим справится даже дрессированная мартышка, – скалится грубиян, разваливаясь в кресле поудобнее.

– Но меня ждут дома, – несмело возражаю.

– Справишься с простейшим заданием – доставлю тебя мамочке и папочке целой и невредимой. Будешь тупить... – сощуривает дьявольски прекрасные глаза. – Свистну парням – они любят объезжать хороших девочек!

От угроз мне становится не по себе. Похоже, что у меня просто нет выбора...

Глава 4. Тихоня

Вымолвив несколько угроз, Акула собирается опустить спинку сиденья пониже.

Этого не стоит делать! Она держится только в одном положении. Когда хулиган нажимает на рычаг и давит спиной, чтобы откинуться назад, кресло поддаётся его усилиям – очень сильно и быстро поддаётся! Попросту говоря – падает назад.

– Что за дерьмо? – выдыхает парень, клацнув зубами от неожиданности.

Я мельком смотрю на него. Из-за того, что он рухнул назад, его футболка задралась, обнажив пресс. Упс... Моему взгляду открылся просто идеально-твёрдый пресс с выпуклыми кубиками и косыми мышцами, уходящими в джинсы. Они сидят на парне так низко, что выглядывает даже резинка нижнего белья. Несмотря на ситуацию, в которой оказалась, я не могла не рассмеяться над озадаченным выражением лица парня. Он барахтается на кресле, как жук, перевёрнутый на спину, и не может подняться. Ведь чёртов механизм не работает, а парень крепко пристёгнут.

– Не ржи, как лошадь. Тебе не к лицу, – грубит уличный хам. – И смотри на дорогу или поцелуешь жопу тачки, ползущей спереди.

Ой. Чёрт. Я чересчур засмотрелась на парня. И из-за слёз, выступивших на глазах от смеха, неверно оценила расстояние до машины, остановившей впереди на красный свет светофора.

Хулиган прав – я вот-вот врежусь в бампер и увеличу количество проблем, а их и без того немало! Я резко нажимаю на тормоз. Акула в это время уже отстегнул ремень безопасности и пытается поднять кресло. Мой «Форд» послушно тормозит. Даже чересчур послушно – машина встаёт, как вкопанная. Слышится знатно громкий треск – от резкой остановки Акулу приложило лбом о приборную панель.

– Срань преисподней! Ты чё, водить не умеешь?! – ревёт разъярённым гризли хулиган.

– П-п-прости... – шепчу, прикусив губу.

Если на лбу Акулы вылезет здоровенная шишка, он отыграется на мне. Хулиган изрыгает поток грязных ругательств. Я нервно постукиваю пальцами по рулю, дожидаясь, когда загорится зелёный.

– Первый поворот налево, – командует грубиян, добавляя ехидно: – Налево, блин, это в той стороне, где сижу я!

– Я в курсе! – возражаю пылко. – Я вообще-то уже окончила школу! Я поступила в колледж! – добавляю для чего-то. – Знаю, что такое налево и направо!

Я начинаю пререкаться с ним и даже немного злюсь. Это очень странные ощущения, ведь я должна опасаться этого накачанного хмурого парня. И я его боюсь до дрожи, аж сердце ёкает и болтается в районе горла. Но мой непослушный язык несёт всякую чушь и делает это быстрее, чем я могла бы приказать себе заткнуться.

– Да плевать мне, где ты учишься! Хоть в воскресной школе у монашек! Рули давай. Налево, не проворонь!

Я следую указаниям хама, нервничая ещё больше от того, что мы углубляемся в спальные районы неблагоприятного квартала. Что если я доставляю саму себя прямо в какой-нибудь притон на потеху уличной банде?

– Не скули, как шавка побитая.

– Я не скулю, – цежу сквозь зубы.

– О нет, ты поскуливаешь. Когда думаешь, что я не слышу...

Грубиян обращается ко мне, но смотрит не на меня, а пялится по сторонам. Меня словно нет в салоне, и это здорово напрягает.

– Как скоро я смогу уехать?

– Так скоро, как я разрешу!

Хам соизволяет посмотреть на меня прямым долгим взглядом, пронизывающим насквозь. Возникает странное ощущение – у меня покалывает позвоночник, а в животе дракон плюётся жидким огнём – иначе чем оправдать необъяснимо сильный жар внутри?

– Теперь направо, чика... И не гони, скоро остановка.

– Почему тебя называют Акулой? – спрашиваю, чтобы немного отвлечься.

– Ты действительно хочешь это узнать, а? Маленьким чистоплюйкам вроде тебя лучше держаться подальше от таких, как я.

Я не успеваю ничего возразить или опровергнуть – ладонь хулигана бесстыдным образом переползает на моё колено. У него сухие и горячие ладони. Их жаром опалает даже сквозь плотные джинсы. Во рту становится сухо. Я едва выдавливаю из себя:

– Убери руку.

– Стой! – выдыхает на ухо. – Останови тачку. Прямо здесь, – и нажимает на моё колено пальцами.

Они у него из стали, что ли? Я сижу, едва живая, потерявшая дар речи. Пульс ускоренно бьётся в ушах, а хулиган не торопится снимать свою крепкую ладонь с моей ноги. Но потом медленно отнимает её.

– Не ссыкай от страха, тихоня. На тебя у меня не торчит, – гнусно хмыкает парень. – Очень надо лапать твои тощие бледные колени, – презрительно кривит свои полные красивые губы. – Просто опять не дожмёшь сцепление, и потом будут проблемы со стартом. Сиди здесь! Жди!

Он выбирается из машины и громко хлопает дверью. Дважды. Да, мой старик «Форд» непослушен и буянит, показывая, что мы не очень довольны навязавшейся компании. Я содрогаюсь всем телом от каждого громкого хлопка под грязный и отборный мат хулигана. Лишь с третьего раза парню удаётся закрыть дверь.

Я смотрю вслед удаляющемуся хулигану. Он высокий и широкоплечий, у него энергичная походка человека, знающего, чего ему хочется.

– Сиди здесь... Жди, – бурчу себе под нос. – Мистер Хамло, я тебе не таксист! Вызови... вызови Uber! Хотя никто не отважится сунуться в эту вонючую и грязную дыру.

Сейчас, когда парень отошёл, я позволяю себе быть смелой и даже немного остроумной. Я решаю, что моя миссия выполнена, и хочу просто свалить отсюда. Мы проехали не так много и свернули всего дважды. Надеюсь, что не заблужусь в этом квартале. Но пальцы у замка зажигания хватают лишь пустоту.

– Чёрт! Не может этого быть!

Я наклоняюсь, чтобы проверить – вдруг ключи просто упали? Но нет. Там пустота. Бью от злости кулаком по рулю – Акула стянул ключи. Вероятно, в тот самый момент, когда лапал моё колено и дышал на ухо. Вот тогда и стащил, а я... растеклась, как клубничный джем, и ничего не заметила.

Я злюсь на саму себя. Начинает звонить мой телефон. Старший брат. Снова. Я не могу ответить ему прямо сейчас, ведь он начнёт спрашивать, где я торчу. Я просто ставлю телефон на беззвучный режим и прячу в карман. Как можно дальше.

Надеюсь, что мои почти-ночные приключения на этом закончатся.

Но как бы не так.

Оказывается, это было лишь самое начало...

Глава 5. Акула

Оставив девчонку в машине, отправляюсь к Питу, чтобы забрать у него пушку. Этому придурку точно не стоит держать в руках огнестрельное оружие. Пит – мой кузен по материнской линии. Несмотря на то, что отношения у нас не самые тёплые, он всё-таки часть моей семьи. Когда кто-то из твоей семьи вот-вот вляпается в большие неприятности по самые яйца, ты просто обязан предотвратить катастрофу. Иначе она раскатает тебя по поверхности грязного, заплёванного асфальта квартала Чёрных Псов. О, а потом эта наглая мисс придёт и по твою душу, потому что ты – часть семьи того придурка, решившего украсть пушку у одного из главарей банды.

Мало того, что Пит спёр пушку, так ещё и прихвастнул этим. Тупица. Кретин. Молокосос... Клянусь его последними словами, пока перебежкам добираюсь до хаты, где, по словам одного из приятелей Пита, устроена вечеринка. Немного злюсь, что пришлось втянуть белокожую мартышку – она явно не из нашего района. Но... оставить её на потеху ублюдкам было бы куда хуже. Не понимаю, что прикольного в том, чтобы тёлочка визжала от страха, вырывалась, пускала слёзы и сопли. Гораздо веселее, когда эти малышки сами отдают тебе свои трусики и просят как следует отлюбить.

Походу, вечеринка собирается вот в том доме. Одноэтажный пошарпанный коттедж светится, как рождественская ёлка. Музыка басит и бьёт по барабанным перепонкам. Чем ближе я подхожу к коттеджу, тем больше понимаю, что Пит отрывается по полной. Возможно, забрать у него ствол и вернуть Бигги будет сложнее, чем я думал. Я носом за полмили чую, что на этой вечеринке льются реки дешёвого пойла, а дым от раскуриваемой травки валит клубами из приоткрытых окон.

Так и есть. На загаженной лужайке, которой не помешала бы встреча с газонокосилкой, валяются несколько укуренных в смерть придурков, ржущих, как цирковые лошади. Распинав одного из них, кричу в лицо вопрос:

– Где Пит?

– Э-э-э... Бе-е-е-е... Ме-е-е-е...

Баран. Реальный укуренный баран. Второй приятель издаёт такое же блеяние. Лишь от третьего парня мне удаётся добиться едва разборчивого бормотания, что Пит находится на заднем дворе и жарит барбекю. Я направляюсь напрямик туда, расталкивая локтями гостей кузена. Их невероятно много. Потолкавшись как следует, выбираюсь на задний двор. И, походу, мой кузен собирается жарить не барбекю – мясо уже обуглилось – но какую-то рыжеволосую цыпочку, вяло отбивающуюся от его приставаний.

Без всяких церемоний отшвыриваю прочь девицу и встряхиваю кузена. Его пьяные глаза с трудом фокусируются на мне.

– Аку-у-у... ик... Акула, здорово! – выдаёт он с третьего раза. – Я звонил тебе, ты не брал трубку. Давай тусить с нами? – Пит обхватывает меня за плечи и пытается подвести к садовому столику, на котором высится пирамида из алюминиевых пивных банок. Кретин настолько пьян, что пытается взять нижнюю банку. Я бью его по руке и выворачиваю ухо. – А-а-а-ай! Ш-ш-ш-ш... Больно же! – воет кузен. – Чувак! Остынь... Ну же, да что с тобой?

– Что со мной?! – рычу ему на ухо. – Что с тобой, дурила?! Стащил пушку у Бигги? Ты хоть знаешь, что за это будет, а?! Какого чёрта ты вообще делал там?!

Вокруг собираются любопытные. Я не хочу устраивать разборки и сыпать сведениями при посторонних, хватаю кретина покрепче и утаскиваю в сторону пустующего летнего домика.

– Всё путём! Всем... всем выпивка за мой счёт! – щедро обещает Пит, едва передвигая ногами. В ответ слышится довольный гул. Кто-то прибавляет громкости музыки. От грохота

басов даже земля дрожит под ногами. – Акула, ну чё ты? – успевает сказать Пит, прежде чем я заталкиваю его в пустую комнату летнего домика.

Пит впечатывается лицом в стену, а потом я подлетаю к нему и прикладываю его ещё разок.

– Что. Ты. Творишь?! Где ствол, а? Где он?! – Пит едва шевелит языком, но бешено вращает глазами и движется боком, пряча от меня свой зад. Я догадываюсь, что он прячет пушку именно там – за резинкой джинсов. – Вообразил себя крутым? – Пит бросается наутёк. Я настигаю его в прыжке и, заломив, выдёргиваю ствол. – Это не игрушки, дурень!..

Пит приваливается к стене, опирается на колени руками и смотрит на меня исподлобья, тяжело дыша.

– ...Отвечай. Как ты стащил ствол у Бигги?..

Холодная сталь пистолета лежит в ладони приятной тяжестью. В ней чувствуется власть, опасность и возможность разить без промаха. Вероятно, то же самое почувствовал Пит, поэтому поддался соблазну.

– ...Рассказывай. Живо!

Пит поднимает ладони в защищающемся жесте:

– Остынь, эй! Остынь, ладно?! Я расскажу! Всё расскажу! – он шмыгает носом. – Один из парней Бигги предложил халтуру – постоять на стрёме, пока они обчищают ломбард на углу Четырнадцатой и Семнадцатой. Ну я и стоял возле тачки, караулил. Потом парни поехали сгружать добро. Я снова был на стрёме. Впервые побывал у Бигги на одной из точек. И тут увидел пушку. Она валялась на полке. Понимаешь? Ну, просто лежала без дела. Я решил просто подержать её в руке. Такая игрушка, ц-ц-ц-ц! – щёлкает языком, но, заметив, что моё терпение на исходе, ускоряет речь: – Я просто хотел подержать её в руке, а потом услышал, как парни возвращаются, и спрятал ствол под толстовку. Мне заплатили бабла и сказали убираться. Вот и всё!

– Почему не вернул пушку, кретин?

– Не знаю. Просто не подумал об этом.

На лице кузена написано искреннее недоумение. Ему всего пятнадцать, и банда тянет его на дно. Он уже лезет в криминальные делишки, а подельник Бигги – Дурила Майк – тварь, каких поискать. Он выцепляет с улиц квартала таких доверчивых лошков, как Пит, втягивает их в дела, поёт о крепких узах криминальной семьи, но когда дело начинает пахнуть жареным, без раздумий бросает парней в самое месиво. Подставляет их, как глупых щенков.

Вот и Пит попался. Дурак.

– Зачем ты прихвастнул, что пушка у тебя?

– Это не я, честно. Может, Дик или Поззи... Кто-то из них увидел и растрепал. А что такого?

– Ты стащил пушку одного из главарей. И спрашиваешь, что такого? Ты вообще не сечёшь, да? Бигги мог завалить из этой пушки кого угодно! Да того же копа! Попадись ты с ней – всё повесят на тебя. Вот что... – ударяю Пита ещё раз, чтобы до кретина, наконец, дошло, из какого дерьма я пытаюсь его вытащить. – Бигги дал приказ Дуриле Майку отыскать ствол. Знаешь, почему он не чешется? Да потому что Дуриле выгодно, чтобы ты попался. Болван!

До Пита, наконец, доходит смысл моих слов.

– Я не подумал...

– Ты никогда не думаешь! – рычу я. – Никогда!

Осматриваю ствол. Чёрт. Он заряжен и даже не на предохранителе. Я ставлю его в безопасное положение и прячу себе под футболку.

– Я верну ствол. Но впредь думай, прежде чем делать. И если тебе ничего умного не приходит в голову, набери номер своего брата, идёт? Я потолкую с тобой за жизнь и дам ценный совет.

Пит отряхивает свою одежду и кивает, идя за мной на выход. Внешний его вид выражает полное смирение и согласие с моими словами. Но стоило мне шагнуть на дорогу перед домом, он останавливается и кричит в мою сторону.

– Дашь ценный совет? Засунь его себе в жопу! – двоюродный брат разворачивается ко мне спиной и приспускает штаны, оголяя свой зад.

Я действую быстро. Выдернуть ствол, снять с предохранителя, нажать на курок.

Пуля ударяет в газон рядом с ногами Пита. Он, взвизгнув, как испуганная свинья, падает на четвереньки и ползет с голой задницей в сторону дома. Плевать. Пусть делает, что хочет. Пора вернуться к тачке, заглянуть к Бигги и потом доставить белокожую мартышку в её хороший райончик.

Но, не дойдя до тачки, я понимаю, что дело дрянь. Вокруг тачки толкуются трое парней, а четвёртый, положив руки на капот, раскачивает машину. Я даже издали понимаю, что девочка, сидящая внутри, на грани истерики.

Глава 6. Акула

Ускоряю шаг, насколько это возможно. Глядя на рожи ушлёпков, понимаю, что силы не равны. Даже самому младшему из них больше двадцати, у двух видны ножи. Придётся пошуметь.

– Раскачай малышку! Давай же...

– Воу-воу! Тебе нравится, крошка?

– Смотри, эта тачка развалится на болты под тобой, Джонни!

Ублюдки захлёбываются ржачем и сильно увлечены. Даже не замечают меня, направляющегося в их сторону. Остановившись в нескольких футах от них, достаю ствол и окликаю придурков громким свистом. Они сразу останавливаются и дружно поворачиваются в мою сторону.

– Отойдите от тачки.

– О, парни. Зырьте... Малёк объявился, – сплёвывает зелёный харчок на землю тот, что на полголовы выше всех остальных. – Чё надо? Иди, куда шёл.

– Иду. Но вижу, как ваши тупые туши лапают тачку моей подружки...

Последние слова я говорю, скривившись внутренне от сказанного. Девчонка – ни хрена не моя подружка. Не в моём вкусе – слишком чистенькая и наверняка ещё целочка. Но впрягаться за чужаков у нас на районе не принято. Так что пусть эти кретины считают, что тронули моё – быстрее свалят.

– Это твоя подружка? – с интересом спрашивает парень в чёрной толстовке. – Красивая мордашка. Пухлые губки. Умелые? – двигает языком за щекой, намекая.

Поднимаю ствол повыше, потом резко опускаю и нажимаю на курок. Трое дружно подпрыгивают на месте.

– Иди, – киваю в сторону древнего «Форда». – Проверь.

– Остынь, Малёк, – просит тот, что молчал до сих пор.

Кажется, его зовут Барнс. Видимо, он за старшего у этой троицы.

– Проваливай. И забирай своих друзей...

Хочется добавить ещё, что я давным-давно не Малёк – так меня звали, когда я был мелким и отставал в росте от сверстников. Многие думали, что меня можно шпынять, но, получив пару ударов по рёбрам или по зубам, понимали, что ошиблись, и проваливали.

Свалят прочь и эти.

– Ладно... Забирай свою тёлочку. И не оставляй её без присмотра... – цедит через зубы Барнс, добавляя: – Аппетитная.

Они нарочно медленно уходят прочь. Показывают, будто уходят сами, по своему желанию, а не убегают, поджав хвосты, словно трусливые шавки. Жду, пока они отойдут на приличное расстояние, и только потом ныряю в тачку. Внутри сосёт неприятное чувство вины. Я ощущаю его не очень часто, но сейчас меня накрывает с головой – я втянул девчонку в это дерьмо. Мне просто хотелось воспользоваться подвернувшейся тачкой, пока байк торчит на ремонте. Самое поганое, что у крошки может начаться реальная истерика, а я не знаю, как поступать в таких ситуациях. Обычно я имею дела с девками попроще – они закалённые и из нашего района, видели многое и лежали не под одним чуваком. Одним словом – потёртые, и опытные даже лет в пятнадцать. А что делать с этой чистоплюйкой, смотрящей на меня огромными карими глазами, дрожащими от слёз, я не знаю.

Увидев ствол в моих руках, она вздрагивает всем телом.

– Мама... – тихо выдаёт.

– Не надейся в штаны! – грубовато выходит. Я разряжая пистолет, доставая магазин. – У тебя в тачке есть салфетки и бумажный пакет?

После моих слов кроха бледнеет ещё больше и оглядывается по сторонам.

– Т-т-т-ты кого-то убил? Хочешь стереть отпечатки пальцев с оружия преступления?

Вот же дерьмо. Она даже говорит невероятно чисто и правильно. Внутри невольно поднимается глухая волна раздражения на таких, как она – на их правильные речи, благопристойные фасады домов, сытые дни и спокойные ночи...

– Убил, – говорю коротко. Слышу судорожный вздох. Добавляю: – Бы. – Вижу, что девчонка не догоняет, объясняю со вздохом недовольства. – Из этой пушки кто-то вполне мог убить и огрести неприятностей. Я просто хочу вернуть ствол владельцу, не оставив на нём своих пальчиков. Усекла? – Девчонка кивает осторожно, но смотрит на меня с небольшим недоверием. Я не милый щенок и не рождественский подарок, чтобы нравиться с первого же взгляда. – Если усекла, дай салфетки и найди мне бумажный пакет! – командую.

Ступор покидает тело тихони – так я называю её про себя. Не знаю, как зовут эту девчонку, но невольно вдыхаю полной грудью воздух салона и чувствую её аромат. Чёрт побери, от неё так вкусно пахнет чем-то ванильным – духами или, может быть, лосьоном для тела. Этот аромат напоминает мне запах печенья в лучшей из кондитерских. К стыду своему, я обожаю ванильное печенье и готов лопать его без остановки. Во рту не к месту выделяется слюна. Пока девчонка, перегнувшись, роется на заднем сиденье, я нехотая отмечаю плавный изгиб бёдер и небольшую, но крепкую и чертовски аппетитную попку. Тихоня оттопырила её так призывно, как будто готова насадиться на мой штырь. Который, к слову, внезапно ожил в штанах.

И это не хорошо. Нет, блин, это совсем не хорошо. Я должен держаться подальше от таких тихонь – снаружи они сладкие и милые, кажутся легкодоступной целью. Но стоит нырнуть в них в трусики, как проблем не оберёшься. Нет уж, спасибо. В моей жизни и без того хватает дерьма, которое нужно разгребать огромной снеговой лопатой. А ещё лучше – нанять специальной комбайн, чтобы разом вывезти весь мусор на свалку.

– Вот. Держи...

Крошка протягивает мне упаковку влажных салфеток. Они пахнут кокосом и добавляют плюс один пункт к моему мнению, что от этой Тихони пахнет, как от кондитерской фабрики. Я вытираю ствол влажной салфеткой, потом насухо протираю бумажным платочком – снова с каким-то сладким ароматом – и только потом сую пушку в пакет с логотипом магазина косметики.

– Вылезай из машины.

Кроха сжимает пальцы на руле до побелевших костяшек. Она смотрит на меня с недоверием и ужасом, а в глазах собираются океаны солёной влаги. Нижняя губа начинает дрожать. Она пышная и аппетитная, как лакомство. Красная, как барбарис, и кажется соблазнительной – такие губёхи приятно всасывать в рот, терзая зубами.

– Ты бросишь меня здесь? – спрашивает с дрожью в голосе. – Угонишь мой автомобиль? Что? Как ей в голову могла прийти подобная чушь?!

– Вылезай. Я поведу сам! Ты заплутаешь, и даже мои подробные инструкции не помогут. Ну же! – прикрикиваю и вылезая первым.

По-джентльменски придерживаю перед Тихоней дверь, но захлопываю по-скотски громко. Плюхаюсь на водительское сиденье. После истории с соседним креслом я не решаюсь отрегулировать кресло водителя по высоте или сдвинуть его, чтобы не упираться коленями в руль.

– У этого кресла тоже есть сюрприз?

Кроха улыбается сквозь слёзы и отрицательно мотает головой.

– Нет. Это кресло водителя. Оно должно быть идеальным...

Я настраиваю его под себя. Удивительно, но обходится без фокусов. Завожу древний «Форд». Он фырчит и издаёт серию разных звуков – от охов до почти откровенного пердежа, прежде чем трогается с места.

– Кстати, я бы не стал угонять это ржавое корыто... Слишком убогое.

В ответ на мою реплику Тихоня поджигает пышные губёшки. Пока «Форд» катит по затемнённым улицам квартала, она оглядывается по сторонам, изредка бросая на меня взгляды исподтишка. Потом достаёт телефон и с протяжным вздохом прячет его обратно.

– Mamочка тебя потеряла?

– Старший брат, – возражает девчонка. – Ты меня задерживаешь. Мне не поздоровится.

– Скажешь, рухлядь сломалась. Причём, не соврёшь, – пожимаю плечами. – Делов-то!

– О, ты специалист по вранью, конечно! Мне стоит поучиться у тебя!

В голосе красотки появляются нотки надменности. Они напоминают мне как нельзя лучше, почему я предпочитаю держаться подальше от таких, как она – считающих людей из бедных кварталов людьми второго или даже третьего сорта.

– Тебе есть чему у меня поучиться. Ты не знаешь, что такое реальная жизнь, чика.

– Да неужели?! – искренне изумляется девчонка.

– Рассказать, как это происходит у таких, как ты?

– О, ну попробуй! – просит Тихоня и устраивается поудобнее, глядя прямо мне в глаза.

– Ты живёшь в квартале для белых цыпочек. Твоя мамаша готовит тебе завтраки и даёт карманные деньги на кафе. Твои отметки не опускаются ниже «А-». Преподаватели в колледже тебя обожают. Судя по твоей фигурке и прокачанному орешку, ты плясешь с дурацкими помпонами в команде поддержки, да? – криво ухмыляюсь, продолжая: – После занятий ты прогуливаешься по магазинам, спуская родительские денежки, треплясь попутно с такими же пустышками, как ты сама. Так пролетает целый день. Потом ты возвращаешься в свой опрятный домишко. Папаша перед ужином, протирая запотевшие очки, берёт всех за руки и просит прочитать молитву благодарности сраному боженьку за вкусную еду и уютный кров. Потом вы набиваете свои брюха первосортной хавкой – сплошь правильной, без лишних вредных углеводов и жиров. После ужина вы отправляетесь по своим прелестным кроваткам. Могу поспорить, что у тебя комната розово-блевно-барбишного цвета, а трусики – с бантиками, рюшами и подвеской в виде киски. Ты переписываешься перед сном с каким-нибудь мажористым метросексуалом, укладывающим волосы гелем. В это же время папаня пыхтит над твоей мамкой. Она старается издавать довольные охи и ахи, но тихо, чтобы не разбудить тебя и всех остальных домочадцев...

Я порю первосортную чушь. Но девчонка выбесила меня своим вздёрнутым носиком и чистоплюйской речью. Хотя меньше минуты назад она готова была рыдать! Быстро оправилась от шока, горделивая сучка...

– ...А на Рождество вы надеваете одинаковые ублюдские свитера с оленями бордового цвета и фоткаетесь возле наряженной ёлки. Ты считаешь это идеальной жизнью? Чика, – грязно усмехаюсь. – Ты не знаешь, что такое реальная жизнь. Я прав?

Во время моей отповеди девчонка вытягивается по струнке. Потом она бросает на меня быстрый взгляд. Но я не могу понять, что выражают её глаза. Понимаю только, что её вид раззадоривает ещё больше. Я близок к тому, чтобы остановить тачку и наброситься на эту кроху, разложив её на заднем сиденье. Никогда не желал взять девчонку силой, но на этой меня начинает клинить...

Глава 7. Акула

– Я прав? – голос звенит от напряжения.

Желание зудит во всем теле, особенно в колоколах, сильно опухших за считанные мгновения. Не помню, чтобы меня так сильно штырило в последнее время.

– У меня только один вопрос, Акула, – говорит безжизненным голосом. – Почему ты подчёркиваешь, что я белокожая? Ты и сам из белых. Возможно, чуть более смуглый и загорелый, чем я.

– Это всё, что ты хочешь спросить?

– Я уже спрашивала, что хотела. Когда я смогу уехать? Это всё, что я хочу...

Мой голодный взгляд крадётся по её юной стройной фигуре, затянутой в красивые шмотки. Их приятно будет сдирать, рвать в клочья зубами, а потом ставить метки по всему телу, клеймя белоснежную кожу. Встряхиваю головой, прогоняя туман наваждения. Ведьма, блин! Околдовала меня и заставила думать о грязных – имею в виду, по-настоящему грязных – вещах! Я преступно много думаю о том, что район – неблагополучный. Насилие случается на каждом шагу. Если я возьму и нагну эту девчонку, взяв своё, потом на неё лишь посмотрят с крохотной толикой сочувствия. Скажут, сама виновата. Хорошим цыпочкам нечего делать в квартале Чёрных Псов.

На её счастье, тачка приезжает по нужному адресу. Я торможу и выхватываю бумажный пакет из рук Тихони. Она отдаёт его быстро и даже вытирает пальцы о тёмно-зелёные брючки, как будто спешит оттереться от грязи. Этот жест бесит меня ещё больше.

Клянусь, я заезжу её до визгов и сорванного к чертям голоса. Наверняка этой малышке едва исполнилось восемнадцать. Если так, то она младше меня на пару лет. Всё равно она довольно взрослая, чтобы знать – нельзя дразнить зверя. Но сначала нужно вернуть пушку Бигги.

Хлопаю дверью со всей дури, направляясь к гадюшнику, где заседает один из главарей уличных банд. Дом огорожен высоким забором. Я нажимаю на звонок, а в ответ слышится надрывный лай. Говорят, во дворе у Бигги тренированные злые доги, готовые вырывать куски мяса из глотки. Поневоле холодок крадётся по спине. Но я держусь спокойно и подхожу к видеодомофону, когда раздаётся хриплый вопрос:

– Кто?

Я в двух словах обрисовываю ситуацию. Через минуту распахивается калитка, и здоровенный бугай, в котором жира больше, чем мяса, ведёт меня внутрь дома.

Тут накурено и играет музыка. Реп грохочет из колонок, в одной из комнат рубятся в приставку. В другой – играют в карты или дымят кальяном с травкой. Пытаюсь сдержать подкатывающую дурноту. Не люблю тех, кто балуется травкой. Не перевариваю совершенно. За закрытой дверью третьей комнаты слышатся сдавленные стоны и довольный мужской смех. Типичная туса для нашего района, одним словом.

Сам Бигги – наполовину мексиканец, сидит на кожаном диване перед огромной плазмой, транслирующей бои. Роба у него зверская и настолько ублюдская, что даже меня немного передёргивает от омерзения. По две стороны от Бигги сидят две продажные девицы, шарящие по его телу пальцами.

– Зачем пришёл? – спрашивает Бигги, прогоняя проститутку взмахом руки.

– Хочу вернуть тебе то, что прибрал к рукам Пит.

– Пит – это тот жалкий обсос, которого должен был проучить Дурила? – уточняет Бигги, затягиваясь сигарой. – Угу, кажется, он.

– Я добрался до Пита быстрее Дурилы. Пушка здесь, – протягивая картонный пакет.

Тучный мужик, разумеется, не делает ни одного движения в мою сторону. Мне приходится самому сделать пару шагов к главарю. Ныряю в бумажный пакет.

– Стой! – слышится резкий окрик сзади, а на горло нажимает острое лезвие ножа.

– Дурии-и-ила явился! – довольно улыбается главарь шайки. – Проверь пушку, Майки.

Дурила отбирает у меня пакет и вытряхивает его на стол. Проверяет ствол, магазин, щёлкает затвором.

– Не хватает пуль, – бросает злобный взгляд в мою сторону, скаля зубы, пожелтевшие от курева.

– Я выпустил их сам. Одну – у дома Пита. Придурок вёл себя неуважительно.

– А вторую? – уточняет Бигги, подаваясь вперёд. – Ты же не хочешь пометить мою пушку чем-то грязным, а? Я не хочу, чтобы потом у копов на баллистической экспертизе всплыл мой ствол.

– Нет. Я шугнул придурков. Они немного напугали одну цыпочку, подбросившую меня к вам.

Повисает тишина. После недолгих раздумий Бигги выдаёт:

– Мне нужны гильзы. Тогда... я сделаю вид, что ничего не произошло. Но на тебе будет всё равно висеть кое-какой должок. Дурила, объясни ему, что к чему! И пусть уже убирается из моего дома. У меня сегодня вечеринка!

Меня выталкивают взащей, словно щенка. Я мог бы вломить Дуриле пару раз и даже встал бы в спарринг с ним. Но мне не стоит этого делать. Я должен радоваться, что всё обошлось. Так быстро и просто.

Но не успеваю я обрадоваться, как резкая боль дважды вонзается мне в живот. Полосует, словно когти льва. Стону, дёргаясь. Но Дурила удерживает меня за плечо и приставляет окровавленный клинок к шее:

– Не думай, что легко отделался. Мы давно следим за тобой, Акула... – презрительно выплёвывает это прозвище. – Ты корчишь из себя своего парня, но отказываешься помогать братьям. Нехорошо... Оч-ч-чень плохо! Теперь ты будешь работать на Бигги. Выполнять его поручения.

– Я не...

– Заткнись! Хочешь остаться чистеньким? – выдыхает пары прокисшего дыхания мне в лицо. – Не выйдет. На тебе висит десять кусков. Отработаешь!

– Десять? – цепенею от ужаса.

Десять тысяч зелёных! Это огромная куча бабла. Откуда мне взять такую гору деньжищ?!

– Отработаешь, – хрипло смеётся Дурила и, потрепав меня по щеке, выталкивает за пределы двора, закрывая калитку.

Боль на некоторое время покидает моё тело. От шока и неверия, наверное. Не делай добра – не получишь зла. Вот так, блин. Хотел выручить Пита – вляпался сам в дерьмо!

Теперь у меня на руках висит девчонка из другого района, а я довольно серьёзно порезан. Лишь бы добраться до тачки и не отрубиться...

Глава 8. Акула

Я бреду в сторону тачки, придерживая ладонью рану. Дурила порезал меня несильно – органы точно не задеты. Но рана противная: длинная и довольно глубокая – мне придётся довольно несладко. Надо зашить ее, но в больницу соваться нельзя – местные врачи сразу же шепнут пару слов дежурным копам. Нет-нет, только не в больницу. Придётся навестить Лану – одну из бывших. Мы вроде как разбежались, после того как я застал её с другим. Но она учится на медика и умеет латать резанные раны.

Я добредаю до машины и с трудом открываю дверь.

– Давай, мелочь. Нырй за руль, – прошу, опёршись о дверь машины.

С окровавленных пальцев стекают красные капли. Падают вниз, разбиваясь.

– О мой бог... Тебе надо в больницу! – выдыхает Тихоня, но исполняет мой приказ, переползая с пассажирского сиденья на водительское.

Я плюхаюсь мешком на сиденье и протягиваю крохе ключи. Желание нагнуть девчонку и отодрать во все отверстия пропало. Хочется лишь одного – быть подлатанным и отоспаться. Да. Только этого. Потом решу, как быть. Может, удастся найти бабки другим путём, не хороня себя в тёмных делишках банды.

– Где здесь больница? Здесь, вообще, есть больница? – спрашивает Тихоня, заметно нервничая.

Я хватаю её окровавленными пальцами за запястье, сжимая изо всех сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.